

*Гаевская Надежда Геннадьевна,
доцент кафедры «Социально-гуманитарные и естественно-
научные дисциплины» Уральского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
г. Челябинск*

*Докина Наталья Вячеславовна
педагог-психолог, магистрант ЧелГУ по направлению
Клиническая и медицинская психология.*

ПРОЯВЛЕНИЕ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТАРШЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Статья посвящена анализу феномена виктимного поведения в периоде старшего юношеского возраста (16–20 лет) — этапе интенсивного формирования идентичности, автономии и межличностных стратегий. Рассматриваются теоретические подходы к пониманию виктимности как устойчивой поведенческой и когнитивно-аффективной модели, повышающей риск попадания в ситуации насилия, манипуляции и социальной эксплуатации. Особое внимание уделено возрастнo-специфическим проявлениям: чрезмерной уступчивости, самопожертвованию в отношениях, склонности к самообвинению, низкой границей защиты, а также цифровой виктимности (кибербуллинг, онлайн-груминг, шантизм). На основе анализа современных исследований показано, что виктимное поведение в данном возрасте тесно связано с незавершённостью формирования Я-концепции, низкой рефлексивной компетентностью и дефицитом навыков ассертивного взаимодействия. Подчёркивается необходимость ранней профилактики через просветительские программы и психокоррекционные вмешательства в условиях вузов и колледжей.

Ключевые слова: *виктимное поведение, старший юношеский возраст, виктимность, психологическая уязвимость, ассертивность, цифровая виктимизация, профилактика.*

Старший юношеский возраст (16–20 лет) — критический период взросления человека, характеризующийся интенсивным поиском идентичности, формированием автономии, а также активным включением в социальные и интимные отношения. Одновременно с этим возраст сопряжён с повышенной психологической уязвимостью, обусловленной как внутренними (кризис идентичности, лабильность самооценки), так и внешними (социальное давление, цифровая среда, экономическая нестабильность) факторами. В этих условиях возрастает риск формирования и проявления виктимного поведения — устойчивой модели поведения, повышающей вероятность попадания индивида в ситуации насилия, эксплуатации или психологического давления [14, 23].

Понятие виктимности было введено в отечественную психологию А.М. Эткингом и В.Н. Волковым в 1980-х гг., однако в последнее десятилетие переживает возрождение в связи с ростом случаев агрессии в образовательной среде, расширением цифрового пространства и актуализацией защиты психологической безопасности [9, 19, 30].

В отличие от ситуативной жертвенности, виктимное поведение рассматривается как устойчивая личностная диспозиция, проявляющаяся в системе когнитивных установок («со мной всегда так», «я заслужил(-а)»), эмоциональных реакций (страх конфликта, стыд за свои границы) и поведенческих паттернов (избегание, чрезмерное подстраивание, самопожертвование) [10, 22].

Анализ эмпирических исследований последних лет позволяет выделить следующие доминирующие формы виктимного поведения в старшем юношеском возрасте:

1. Реляционная виктимность

Выражается в чрезмерной уступчивости в парных и дружеских отношениях, склонности к самопожертвованию, игнорировании собственных желаний ради сохранения связи. Юноши и девушки могут

терпеть эмоциональное насилие (унижения, контроль, изоляцию), оправдывая партнёра: «он(а) просто ревнует — значит, любит», «это моя вина — я спровоцировал(-а)» [7, 16]. Такое поведение часто связано с нереалистичными романтическими установками, усвоенными из медиапространства и соцсетей.

2. Цифровая виктимность

Широкое распространение получили следующие феномены:

В отличие от подросткового кибербуллинга, у юношей 16–20 лет доминируют более изощрённые формы:

- шантаж доверием: «Ты же мне доверяешь? Тогда пришли фото...»;
- использование «цифрового следа» (сообщения, переписки, геолокации) для манипуляции: «Я знаю, где ты был(а) вчера»;
- груминг в формате «менторства»: наставник/куратор в вузе или на стажировке, выстраивающий зависимую связь под видом профессиональной помощи.
- шантизм — угроза распространения интимных фото/видео с требованием денег, секса или молчания [1, 27].

Исследование Н.А. Захаровой в 2023 году показало, что 38% студентов младших курсов сообщали о случаях давления с требованием сексуальных услуг в обмен на «поддержку» или «неопубликование компромата» [12].

Кибервиктимность может выступать фактором, инициирующим девиантную активность в молодёжной среде. Данная трансформация обусловлена совокупностью средовых и личностных предпосылок: ощущение безнаказанности, обусловленное анонимностью и асинхронностью цифровых коммуникаций, способствует снижению субъективной ответственности; диссоциативное восприятие виртуального «другого» ослабляет эмпатические барьеры. Одновременно низкая правовая и информационно-коммуникативная культура, компенсаторные мотивы (включая стремление к социальной реваншизации после травматического опыта), а также инструментальные установки (стремление к получению

материальной выгоды или цифровой известности) создают условия для перехода от позиции виктимы к позиции агрессора. Таким образом, в киберпространстве реализуется механизм виктимно-агрессивной трансформации, обусловленный спецификой медиасреды и дефицитом этико-нормативной регуляции поведения

3. Академическая виктимность

Проявляется в неспособности отстаивать свои академические права: молчаливое принятие несправедливой оценки, выполнение чужих заданий, подчинение давлению со стороны преподавателей или старших курсов. Особенно уязвимы студенты из социально неблагополучных семей, испытывающие страх «потерять место» или «не оправдать ожиданий» [21].

4. Экономическая эксплуатация и трудовая виктимность

Юноши и девушки часто соглашаются на работу без договора, с неоплатой труда, сверхурочными часами, угрозами увольнения — из-за неопытности, боязни конфликта или острой финансовой нужды. Установка «главное — начать карьеру» играет роль когнитивного оправдания [6].

5. Романтико-реляционная виктимность

Характеризуется:

- склонностью к самопожертвованию как «доказательству любви»;
- толерантностью к эмоциональному насилию (унижения, изоляция, «любовный бомбардировщик»);
- использованию паттерна «спасатель–жертва» в первых серьёзных отношениях.

Исследование Е. В. Поповой (2022) показало, что у 63% юношей и 71% девушек 17–19 лет установка «если он(а) ревнует — значит, любит» положительно коррелировала с уровнем принятия психологического давления в паре ($r = 0.58, p < 0.01$) [25]. Такое поведение генетически связано с незавершённостью формирования Я-концепции: при слабой внутренней опоре внешняя любовь становится «доказательством существования».

6. Психосоматическая виктимизация

Менее очевидная, но значимая форма: соматизация внутреннего конфликта между автономией и зависимостью. Проявляется в:

- обострении хронических заболеваний в стрессовых ситуациях (экзамены, конфликты);
- «функциональных» жалобах (головные боли, тошнота перед встречей с агрессором);
- использовании болезни как неосознанной стратегии избегания давления.

Согласно данным клинических наблюдений А. Б. Холмогоровой (2021), у 32% юношей 17–20 лет с диагнозом «ВСД» или «ГЭРБ» выявлялись скрытые формы реляционного давления в семье или парных отношениях [34].

На виктимность юношеского возраста влияет, в том числе, высокая конформность, обусловленная онтогенетической незавершённостью идентичности и доминированием внешних источников самоопределения (Эриксон, 1968; Кон, 1989).

В условиях цифровой среды эта конформность трансформируется в зависимость от поддержки виртуальных социальных групп и сообществ, где одобрение (лайки, комментарии, включение в «ин-группу») выступает ключевым подкреплением самооценки. Юноши и девушки 16–20 лет склонны к гипертрофированной идентификации с цифровыми авторитетами (блогерами, лидерами мнений, модераторами закрытых сообществ), оказывающими эмоциональную или идеологическую поддержку, — особенно в ситуации дефицита референтных фигур в офлайн-среде.

Как следствие, формируется повышенная склонность к ориентации на групповые нормы, даже если последние включают девиантные или виктимогенные установки (например, романтизацию токсичных отношений, стигматизацию обращения за помощью, прославление самопожертвования как «знака любви»). Подобная адаптация, направленная на минимизацию социального риска и максимизацию принятия, при отсутствии развитой рефлексивной и критической компетентности,

способствует усвоению дисфункциональных поведенческих паттернов и повышает уязвимость к манипулятивным воздействиям, тем самым репродуцируя виктимные стратегии на уровне как индивидуального, так и группового сознания.

В рамках исследования проявлений виктимной идентичности у подростков было проведено эмпирическое исследование на базе частного профессионального образовательного учреждения «Академический колледж». В исследовании приняли участие обучающиеся второго курса по следующим направлениям подготовки: «Юриспруденция», «Преподавание в начальных классах» и «Правоохранительная деятельность». Объём выборки составил 30 респондентов в возрасте от 17 до 19 лет (средний возраст — 18,5 года).

Выборка носит целенаправленный (преднамеренный) характер и обладает репрезентативностью в контексте изучаемой проблемы, поскольку все участники являются студентами среднего профессионального образования, что соответствует объекту исследования.

Для диагностики уровня склонности к виктимному поведению и особенностей личностного самоотношения были использованы следующие психодиагностические методики: «Методика исследования склонности к виктимному поведению» О. О. Андронниковой, а также «Методика рефлексивной оценки потенциальной индивидуальной виктимности» И. А. Дмитриева и И. А. Кибальченко.

Результаты, полученные по методике О. О. Андронниковой, представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Результаты по методике исследования склонности к виктимному поведению О.О. Андронниковой по разным направлениям обучения

Направления	Юриспруденция			Преподавание в начальных классах			Правоохранительная деятельность		
	Ниже нормы	Норма	Выше нормы	Ниже нормы	Норма	Выше нормы	Ниже нормы	Норма	Выше нормы
	Чел.	Чел.	Чел.	Чел.	Чел.	Чел.	Чел.	Чел.	Чел.

Социальная желательность ответов	3	7	0	2	7	1	2	8	0
Агрессивное поведение	3	5	2	3	5	2	2	2	6
Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	6	4	0	6	4	0	5	5	0
Склонность к гиперсоциальному поведению	4	3	3	2	3	5	2	3	5
Склонность к зависимому и беспомощному	4	4	2	3	3	4	3	4	3
Склонность к некритичному поведению	3	4	3	4	4	2	4	4	2
Реализованная виктимность	3	3	4	3	5	2	1	4	5

Анализ показателей, полученных среди студентов второго курса, обучающихся по различным направлениям подготовки, с использованием шкалы реализованной виктимности позволил сформулировать следующие выводы.

По результатам применения методики «Склонность к виктимному поведению» О. О. Андронниковой установлено, что наиболее выраженная склонность к виктимному поведению наблюдается у студентов, обучающихся по направлениям «Правоохранительная деятельность» и «Преподавание в начальных классах». Полученные данные могут свидетельствовать о повышенной уязвимости и склонности к жертвенным моделям поведения в различных сферах жизнедеятельности у представителей данных профилей подготовки.

Так, высокий уровень склонности к виктимному поведению был выявлен у 49,9 % студентов, обучающихся по направлению «Юриспруденция», у 56,4 % — по направлению «Преподавание в начальных классах» и у 56,9 % — по направлению «Правоохранительная деятельность».

Для более глубокого анализа проявлений виктимного поведения важным диагностическим критерием выступает способность личности к рефлексии — то есть осознанному анализу собственного поведения и его виктимных характеристик. С целью оценки данного параметра в исследовании применялась методика «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности» И. А. Дмитриева и И. А. Кибальченко. Результаты, полученные по данной методике, представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Результаты по методике «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности» (авторы - И.А. Дмитриева, И.А. Кибальченко) по разным направлениям обучения

Направление	Юриспруденция		Преподавание в начальных классах		Правоохранительная деятельность	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Высокий	4	40	4	40	4	40
Средний	4	40	5	50	3	30
Низкий	2	20	1	10	3	30

Анализ данных, представленных в Таблице 2, показывает, что высокий уровень потенциальной индивидуальной виктимности наблюдается у одинакового числа студентов из каждой из исследуемых групп — по 4 человека на каждое направление подготовки. Данный факт может свидетельствовать о повышенной уязвимости этих студентов и их относительной склонности к попаданию в неблагоприятные или даже угрожающие жизни ситуации.

Среди студентов, обучающихся по направлению «Преподавание в начальных классах», у половины респондентов (5 человек, или 50 % от общего числа в данной группе) зафиксирован средний уровень потенциальной индивидуальной виктимности.

В группе студентов, обучающихся по направлению «Правоохранительная деятельность», преобладает низкий уровень потенциальной индивидуальной виктимности: он выявлен у трёх респондентов (30 % от численности группы). Это может указывать на более осознанное и контролируемое поведение в потенциально рискованных жизненных ситуациях, а также на более высокий уровень субъективной способности избегать виктимогенных обстоятельств.

Наглядное представление полученных результатов по методике «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности» (И. А. Дмитриева, И. А. Кибальченко) приведено на Рисунке 1.

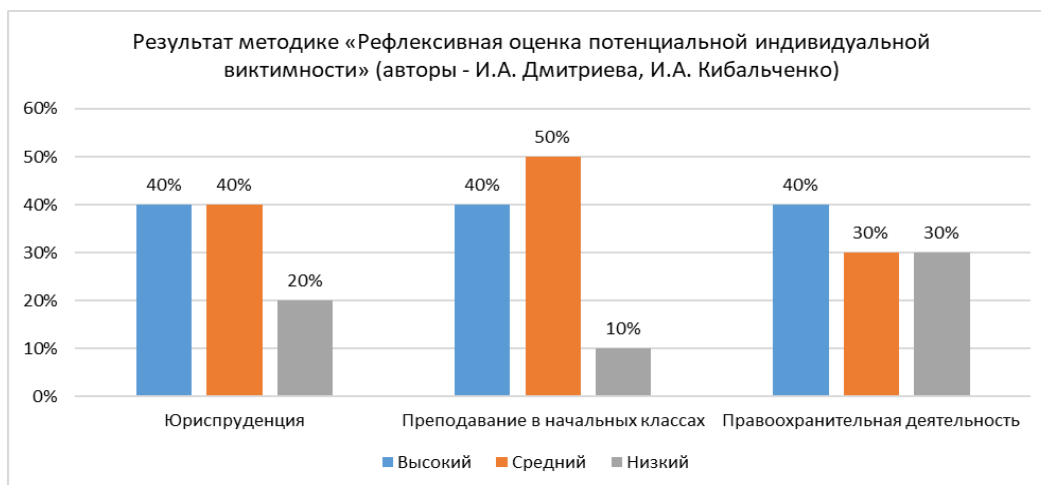

Рисунок 1. Показатели склонности к виктимному поведению у студентов по различным направлениям обучения по методике «Рефлексивная оценка потенциальной индивидуальной виктимности» (авторы - И.А. Дмитриева, И.А. Кибальченко)

Для выявления статистически значимых различий в уровнях склонности к виктимному поведению между студентами, обучающимися по различным направлениям подготовки, был использован непараметрический U-критерий Манна–Уитни. Данный метод был выбран в связи с тем, что он рекомендуется для сравнения двух независимых выборок, одна из которых имеет малый объём ($n < 30$), а также для анализа данных, измеренных в порядковой шкале.

Сравнительный анализ проводился между следующими парами групп:

- «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность»;
- «Юриспруденция» и «Преподавание в начальных классах»;
- «Правоохранительная деятельность» и «Преподавание в начальных классах».

Результаты статистического сравнения представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Расчет U-критерия Манна-Уитни по методике «Исследования склонности к виктимному поведению» О.О. Андронниковой студентов

Направление	Юриспруденция	Правоохранительная деятельность	Юриспруденция	Преподавание в начальных классах	Преподавание в начальных классах	Правоохранительная деятельность
№	Ранг1	Ранг2	Ранг1	Ранг2	Ранг1	Ранг2
1	18.5	15	17.5	17.5	17.5	13.5
2	12	4.5	10.5	4.5	3.5	3.5
3	15	18.5	14	10.5	10	17.5
4	18.5	15	17.5	20	20	13.5
5	8	8	7	14	13.5	6.5
6	4.5	18.5	4.5	1.5	1	17.5
7	8	8	7	10.5	10	6.5
8	1	12	1.5	7	6.5	10
9	2.5	2.5	3	14	13.5	2
10	12	8	10.5	17.5	17.5	6.5
Уровень значимости (p)	100	110	93	117	113	97
U-критерий	45		38		42	

Критические значения (UKp) $p \leq 0.01 = 19$ $p \leq 0.05 = 27$

Согласно результатам проведённого эмпирического исследования, статистически значимых различий в общем уровне склонности к виктимному поведению между студентами, обучающимися по направлениям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» и «Преподавание в начальных классах», выявлено не было. Однако при анализе отдельных шкал методики О. О. Андронниковой «Исследование склонности к виктимному поведению» обнаруживаются устойчивые различия, отражающие специфику личностных особенностей представителей каждой группы.

1. Направление «Преподавание в начальных классах»

У студентов данной группы выявлены выраженные показатели по шкалам «Склонность к гиперсоциальному поведению», а также «Склонность к зависимому и беспомощному поведению». Эти особенности могут свидетельствовать о стремлении к социально одобряемому поведению, проявляющемуся в таких чертах, как уступчивость, конформность и внушаемость, что повышает риск виктимизации. Сочетание возрастных характеристик — импульсивности, неустойчивой самооценки и недостаточного опыта принятия самостоятельных решений — дополнительно способствует уязвимости. При этом большинство студентов данной группы демонстрируют средний уровень потенциальной индивидуальной виктимности, что указывает на умеренную, но устойчивую вероятность попадания в неблагоприятные или опасные жизненные ситуации.

2. Направление «Юриспруденция»

Студенты-юристы характеризуются значимыми показателями по шкалам «Гиперсоциальное поведение» и «Некритичное отношение к окружающим». С одной стороны, это отражает стремление к одобрению со стороны общества, с другой — склонность к идеализации других, оправданию агрессивного или деструктивного поведения и затруднения в объективной оценке социальных контекстов. Такие когнитивные и эмоциональные паттерны могут повышать уязвимость к манипуляциям и эксплуатации. В целом, для данной группы характерны повышенная тревожность и пассивность, что может интерпретироваться как защитная реакция, направленная на сохранение личных границ в условиях воспринимаемой угрозы.

3. Направление «Правоохранительная деятельность»

Несмотря на профессиональную направленность, связанную с обеспечением безопасности, студенты этой группы демонстрируют высокий риск виктимизации, что может быть обусловлено недостаточной

сформированностью защитных психологических механизмов. У них выявлены значимые показатели по шкалам «Агрессивное поведение» и «Гиперсоциальное поведение», что создаёт парадоксальную комбинацию: с одной стороны — провокационность и склонность к нарушению социальных норм, с другой — нетерпимость к нарушению общественного порядка и сильное стремление к социальному одобрению. Импульсивность, нестабильная самооценка и трудности в прогнозировании последствий собственных действий дополнительно усиливают виктимные риски. Вместе с тем, именно в этой группе чаще наблюдается осознание вероятности попадания в трудные жизненные ситуации, что может служить ресурсом для профилактической работы.

Общая характеристика виктимной идентичности

Студенты с выраженной виктимностью, независимо от направления подготовки, демонстрируют схожий психологический профиль: ощущение беспомощности и неспособности контролировать события собственной жизни, ожидание враждебности со стороны окружающих, низкую самооценку, недостаток внутренней рефлексии и слабо выраженное понимание собственных интересов и желаний. Одновременно у них наблюдается выраженная потребность в социальном одобрении, что делает их уязвимыми в межличностных и профессиональных взаимодействиях.

Рекомендации по профилактике виктимной идентичности

Работа с виктимной идентичностью должна быть направлена на трансформацию позиции «жертвы» в позицию «субъекта» — личности, обладающей сознательностью, ответственностью и компетенциями для обеспечения собственной безопасности. Достижение этой цели возможно через реализацию комплексных, многоуровневых профилактических программ:

Просветительский уровень: интеграция тем «психологическая безопасность», «здоровые личные границы», «ассертивное поведение» в учебные и внеучебные программы (в том числе в курсы soft skills в вузах).

Тренинговый уровень: проведение групповых занятий, направленных на развитие навыков распознавания манипуляций, безопасного поведения в цифровой среде, конструктивного отказа и самозащиты.

Консультативный уровень: обеспечение доступа к психологической помощи без стигматизации (в том числе через анонимные онлайн-сервисы и реер-поддержку).

Организационный уровень: внедрение в образовательных учреждениях чётких антибуллинговых и антидомогательственных политик, функционирование «тревожных кнопок», поддержка сети студенческих консультантов.

Важно подчеркнуть: цель профилактики — не «укрепление жертвы», а расширение поведенческого репертуара и формирование убеждения: «Я имею право на безопасность — и способен(-на) её обеспечить».

Особенности виктимного поведения в старшем юношеском возрасте

Парадокс возрастного периода 16–20 лет заключается в том, что наличие когнитивных и социальных ресурсов (логического мышления, речевой компетентности, автономности передвижения, доступа к информации) не гарантирует защищённости. Более того, эти ресурсы могут парадоксальным образом усиливать виктимность:

способность к аргументации используется для рационализации поведения агрессора;

мобильность облегчает вовлечение в рискованные встречи (например, «личные разговоры» с незнакомцами в онлайн-пространстве);

доступ к информации порождает «иллюзию компетентности» — убеждение «со мной этого не случится, я всё знаю».

Таким образом, виктимное поведение в старшем юношеском возрасте не является проявлением «слабости характера», а представляет собой сложную стратегию навигации в условиях незавершённой автономии, гиперответственности и дефицита поддержки в критические периоды развития. Его проявления многогранны — от реляционной уступчивости до цифровой уязвимости.

Понимание этих особенностей позволяет перейти от морализаторского осуждения к конструктивному сопровождению молодёжи. Инвестирование в программы развития психологической устойчивости, культуры личных границ и эмоциональной компетентности в юношеской среде — это не только мера индивидуальной защиты, но и стратегический вклад в формирование здорового, ответственного и устойчивого гражданского общества.

Список литературы (по ГОСТ Р 7.0.5-2008)

1. Андреева, Е. А. Цифровая виктимизация молодёжи: новые вызовы и пути профилактики / Е. А. Андреева // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2022. — № 4. — С. 78–95.
2. Бек, А. Т. Когнитивная терапия расстройств личности / А. Т. Бек, А. Дж. Фримен ; пер. с англ. под ред. Н. Г. Гаркуши. — СПб. : Питер, 2019. — 416 с.
3. Божович, Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — М. : Просвещение, 1968. — 464 с.
4. Виноградова, Л. И. Психология виктимности: учеб. пособие / Л. И. Виноградова. — М. : Изд-во Моск. психол.-социал. ин-та, 2010. — 288 с.
5. Волков, Б. С. Виктимология: учеб. пособие / Б. С. Волков. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 304 с.
6. Галаганова, А. В. Трудовая эксплуатация несовершеннолетних и молодёжи: социально-психологический аспект / А. В. Галаганова //

Социальная психология и психология семьи. — 2021. — Т. 7, № 2. — С. 112–126.

7. Гребцова, О. С. Виктимное поведение в романтических отношениях подростков и юношей / О. С. Гребцова, Е. В. Попова // Национальный психологический журнал. — 2020. — № 3 (41). — С. 45–58.

8. Дубровина, И. В. Психология подросткового и юношеского возраста / И. В. Дубровина. — М. : Академия, 2003. — 304 с.

9. Еникеева, С. С. Виктимность как психологический феномен / С. С. Еникеева // Психологическая наука и образование. — 2018. — Т. 23, № 5. — С. 5–16.

10. Журавлёв, А. Л. Психология виктимности личности: теория и практика / А. Л. Журавлёв, А. Б. Холмогорова. — М. : Смысл, 2006. — 384 с.

11. Захарова, Н. А. Психологические детерминанты цифровой виктимности студентов / Н. А. Захарова // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика». — 2023. — № 1. — С. 94–107.

12. Захарова, Н. А. Онлайн-шантаж в молодёжной среде: распространённость и последствия / Н. А. Захарова // Современная зарубежная психология. — 2023. — Т. 12, № 2. — С. 160–175.

13. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / О. А. Карабанова. — М. : Гардарики, 2005. — 320 с.

14. Ковалёв, В. В. Психиатрия детского возраста / В. В. Ковалёв. — М. : Медицина, 1995. — 560 с.

15. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. — М. : Просвещение, 1989. — 224 с.

16. Корниенко, Д. С. Самопожертвование как стратегия поддержания отношений в юношеском возрасте / Д. С. Корниенко // Психологические исследования. — 2021. — Т. 14, № 77. — С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.10.2025).

17. Лазарус, Р. С. Стресс, оценка и совладание / Р. С. Лазарус, С. Фолкман ; пер. с англ. — М. : Медицина, 1984. — 180 с.
18. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. — М. : АСТ, 2020. — 320 с.
19. Петровский, А. В. Введение в психологию / А. В. Петровский. — М. : Академия, 1996. — 416 с.
20. Прихожан, А. М. К проблеме подростковой тревожности / А. М. Прихожан // Вопросы психологии. — 1989. — № 2. — С. 30–38.
21. Реан, А. А. Психология и педагогика девиантного поведения / А. А. Реан. — СПб. : Питер, 2015. — 288 с.
22. Реан, А. А. Виктимность личности: психологическая природа и механизмы формирования / А. А. Реан // Психологический журнал. — 2018. — Т. 39, № 4. — С. 5–15.
23. Рогов, Е. И. Настольная книга практического психолога / Е. И. Рогов. — М. : Владос, 2001. — 480 с.
24. Савинов, В. В. Психологическая устойчивость и виктимность учащихся / В. В. Савинов. — СПб. : Речь, 2017. — 208 с.
25. Селигман, М. Позитивная психология: наука об успехе в жизни / М. Селигман ; пер. с англ. — СПб. : Питер, 2020. — 416 с.
26. Роджерс, К. Психотерапия и консультирование / К. Роджерс ; пер. с англ. — М. : ЕКСМО-Пресс, 2002. — 320 с.
27. Холмогорова, А. Б. Цифровая среда как фактор риска психического здоровья подростков и молодёжи / А. Б. Холмогорова, Н. В. Тараненко // Клиническая и специальная психология. — 2022. — Т. 11, № 3. — С. 4–25.
28. Эльконин, Д. Б. Психология развития: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Д. Б. Эльконин. — М. : Академия, 2001. — 320 с.
29. Эткин, А. М. Психология виктимного поведения / А. М. Эткин // Психологический журнал. — 1987. — Т. 8, № 5. — С. 147–153.
30. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом ; пер. с англ. — М. : Класс, 1999. — 576 с.

31. Finkelhor, D. The victimization of children and youth: patterns and prevention / D. Finkelhor // American Journal of Orthopsychiatry. — 2020. — Vol. 90, № 1. — P. 12–23.

32. UNICEF. Hidden in plain sight: A statistical analysis of violence against children. — New York : UNICEF, 2022. — 142 p.